

Анатолий Иванов

Ермак

Часть первая

ГУЛЕВЫЕ ЛЮДИ

В XIII веке народы Западной Сибири подверглись нашествию с Востока. Более трехсот лет пришельцы жестоко угнетали коренное сибирское население.

Трудно представить себе картину беспощадного грабежа татарами местного поселения, вот хотя бы тех же остяков.

...С воем скачут мимо горящих чумов и землянок татарские всадники...

...Выбрасывает татарин из остяцкого жилища всякую рухлядь — меховую одежду, тряпки, посуду...

...Прямо за косы, подхлестывая плетью, выволакивает наружу одну за другой двух красивых девушек-остячек...

...Гонят татары по горящему поселку толпу воющих остяков...

Особенно жестоким стало обращение завоевателей с местным населением при хане Едигере и его соправителе Бекбулате.

Молодой, почти безбородый еще мурза Баянда осадил пляшущего под ним коня. Сверкая посеребренной кольчугой, закричал:

— Пленных привязывать к седлам! Этих девок везти в повозке, — ткнул Баянда плетью в двух красивых молодых остячек, стоящих в воющей толпе сородичей.

Захлопали плети. Человеческий вой поднялся еще выше. Несчастливым остякам крепко захлестывали запястья рук, концы веревок привязывали к седлам. Девушек-остячек втокнули в крытую повозку. Вся процессия под вой и плач пленников, громкое щелканье плетей двинулась прочь от горящего селения.

Потягивая из кальянов, на атласных подушках возлежали двое — тучный, бородатый, свирепого вида хан Едигер и тощий, с узкой бородкой клинышком, с хитрыми узкими глазами его брат Бекбулат.

Мурза Баянда стукнул лбом об ковер:

— Любимец аллаха великий хан Едигер!

Снова стукнулся об ковер, повернулся к тощему:

— Мудрый и славный хан Бекбулат! Вонючие остяки, задолжавшие ханский ясак, пришли просить за то прощение. Провинившиеся дают в ханские

наложницы двух самых красивых своих девушек.

Тучный Едигер лишь сердито выпустил изо рта облако табачного дыма, а Бекбулат нетерпеливо взвизгнул:

— Посмотрим... наложниц!

Голодные, измученные пленники — человек с полсотни — по-прежнему со связанными руками стояли, окруженные татарскими воинами, перед ханским дворцом в Кашлыке. Когда на крыльце появились Едигер, а за ним Бекбулат, захлопали плети, раздались крики:

— На колени! На колени!

Толпа повалилась головами вниз. Остались стоять лишь две девушки — головы их были опущены.

Едигер смотрел на них, попыхивая дымом трубки. Баянда черепком плети поднял подбородок одной девушки, потом другой. Они были одинаково красивы.

— Близнецы, — сказал Баянда.

— Еще перепутаем, — пропищал Бекбулат.

Что-то наподобие улыбки проступило на мрачном лице Едигера и исчезло. Он вынул трубку кальяна изо рта, проговорил:

— Остячек — в наши гаремы. — И повернулся к Баянде. — Остальных отвезешь в Астрахань, на невольничий рынок.

— Только, мурза Баянда, не продешеви, — проскрипел Бекбулат.

А по другую сторону Урала бесконтрольно хозяйничали «великопермские властелины» — купцы Строгановы. Состоящие у них на службе вооруженные отряды постоянно и также беспощадно грабили местных коренных жителей.

...Многие чумы были в огне, другие просто повалены...

...По бывшему стойбищу бегут люди в обветшалых казацких кафтанах, тащат к берегу вороха собольих, лисьих, беличьих шкурок, грузят на большой струг...

...Люди в стрелецких кафтанах, тоже заношенных, согнав жителей стойбища на поляну и положив их на землю, держат их под дулами пицалей...

Бежит свирепого вида мужик в кафтане красного сукна, опоясанный широким восточным ремнем с драгоценным накладом. На поясе у него тяжелая сабля, в руке увесистая плеть.

— Все схоронки сыскать! — заорал он. — Ванька! Кольцо!

— Ну? — откликнулся молодой казак в синем кафтане.

— Вот этот чум обшарить! — Руководитель

грабежа ткнул плетью в ближайшее вогульское жилище, молодой казак скрылся в нем...

Полуденное солнце играло над летней тайгой...

Послышался сперва радостный женский смех. Потом в кадре — бегущая куда-то по высокой траве молоденькая девушка. Она обернулась, сверкнула на бегу ослепительной своей красотой — и побежала дальше.

— Держи ее! — вскричал, смеясь, парень в худой крестьянской одежде. Таежная лайка устремляется за девушкой, за собакой — парень. Все одновременно вбегают на небольшой пригорок, парень и девушка с хохотом валятся в немятую лесную траву, молодо играют и целуются.

Таежная лайка давно была свидетелем их счастья. Наверное, ей это уже было неинтересно, она отвернулась равнодушно.

— Ты через край-то не балуй! — воскликнула наконец девушка, сверкнув счастливыми глазами. Она освободилась от его объятий. Застегивая кофтенку, поднялась, чуть отошла, стала смотреть вдаль на бескрайние лесные дали, открывающиеся с пригорка, на синюю полосу невысокой горной гряды. Парень тоже встал, подошел к ней. Было ему лет 18, в плечах широк и силен, волосы темные, вьющиеся...

— А что там, Ермошенька?

— Камень-горы это, по-вогульски — «Урал», — ответил он.

— Я знаю... А за Камнем-то что? Край света?

— А там, говорят, Сибирь-земля лежит. Бескрайняя... И еще краше этой будто. Поженимся, да и махнем туда, а? Охотник я не из последних. Заживем! А, слышь, Алена?

Алена помолчала. Потом ткнула лицом в его широкую грудь.

— Ох, Ермошенька! Когда ты так говоришь — на сердце у меня томно делается. Будто не радость, а горе оно чувствует.

На этих словах собака насторожилась, вскочила, дважды тьякнула тревожно.

Быстро поднялись и Ермолай с Аленой. Собака сорвалась с места, за ней бросились и парень с девушкой... Сбежали с пригорка, выбежали на опушку, остановились. Донесли до них издали человеческие голоса.

Впереди был низкорослый кустарник. Над ним стали подниматься столбы дыма. Потом послышался выстрел, другой...

— Это что-то там, в вогульском стойбище! — вскричал Ермолай. — Ну-ка, айда!

— Ой! — прижала Алена к груди обе руки. — Ермолай!

И побежала за ним.

Молодой казак по имени Иван Кольцо вышел из чума, сказал:

— Ничего там нет, кроме обглоданных костей.

— Как ничего? Чья это нора? — Начальник над грабителями шагнул к лежащим на земле людям. — Ну? А то повелю чум сжечь.

Из кучи людей поднялся вогул лет под тридцать.

— Наша чум. Игичей моя звать.

— Твой? — Начальник над грабителями ринулся к вогулу, бросил его к ногам Кольца. — Где твоя схоронка?

— Нету ничего хоронить.

— Секи его, пока не скажет. — И бросил Кольцу плеть.

Плеть Иван Кольцо поймал. Но, помедлив, отрезал вдруг:

— Я к тебе, Сысой, в палачи не нанимался.

Швырнул ему плеть назад, повернулся и пошел.

— Что-что? Ты... Да за такое ослушанье...

— Моя похоронка нету, — опять простонал Игичей.

— А-а, нету! — взъярился Сысой. — Сейчас узнаем, есть али нету!

И замахнулся плетью, ударил, замахнулся было второй раз.

Но в это время выскочила из-за чума собака-лайка и вцепилась в Сыся. Тот, крутнувшись, отбросил пса, выхватил саблю и, когда собака снова ринулась, рассек ее пополам.

Все, словно оцепенев, смотрят на происходящее.

Собачья кровь, видимо, совсем опьянила Сыся.

— Говори, где шкурки!

И он страшно замахнулся саблей теперь на вогула.

— Стой! — Это Ермолай с криком вылетел из-за чума, молнией метнулся на Сыся, с ходу повалил его.

Сысой вскочил с земли первым.

— А-а, Ермошка, вонючая говешка! — зарычал Сысой и двинулся на него с обнаженной саблей. — Сейчас рассеку тебя, как твою паршивую собаку!

Все, включая Ивана Кольца, по-прежнему смотрят на все это как парализованные.

Ермолай схватил прислоненные к чуму деревянные вилы-рогатины и сам пошел на Сыся. Тот в страхе попятился, уперся спиной в ствол растущего посреди стойбища дерева. Ермолай прижал его к дереву острыми, как шилья, рожками деревянных вил.

— Бросай саблю, кишки выпущу!

Сысой в страхе отбросил саблю. Ермолай крикнул опять:

— Игичей! Вогулы! Бей грабителей!

— Мой друг Ермошка на помощь пришел! — вскричал Игичей.

Лежащие на земле люди было зашевелились, но кто-то из казаков выстрелил вверх, и они притихли.

— Ты, парень, не дури! — Кольцо тронул Ермолая за плечо.

— Не трожь его! — вскричал женский голос, и Алена, появившись из-за чума, с ходу оттолкнула Ивана. Потом сама повисла на Ермолае: — Да ты чего? Ведь засекут тебя, Ермолай! Беги!

— На помощь, на помощь! — взревел Сысой.

Но от реки и так бежали уже казаки с саблями наголо. Ермолаю ничего не оставалось, как развернуться со своими вилами им навстречу и отступать под ударами сабель. Какое-то время он еще отбивался, пока от обрубленных саблями вил не осталась коротенькая палка. Казаки наконец навалились на него.

Алена, зарыдав, упала на землю.

Кольцо с удивлением смотрит то на Ермолая, то на Алену.

Сысой подошел к Ермолаю, замахнулся плетью, но ударить почему-то не решился.

— Сопля кислая. И девку эту повязать!

Казачи бросились исполнять повеление.

— А за компанию и Ваньку Кольца.

— Меня? За что? — Иван схватился было за саблю.

— Сполнять!

К Кольцу подскочили сразу четверо, заломили руки.

Пристань на Каме еще строилась. У берега приткнулось несколько стругов и лодок. Кроме лабаза, на берегу стояли еще три-четыре деревянных склада, два строились. Стучали звонко топоры, у готовых складов сустились работные люди, туда-сюда катили бочки, носили тюки, ворохи звериных шкур, подвозили на телегах бадейки с медом, маслом.

У единственного пока бревенчатого причала стояло довольно большое парусно-весельное судно.

На палубе под матерчатым тентом пили холодный квас владыки здешних мест — сам Аника Строганов и его старший сын Семен. Аникею под шестьдесят, он в холстяной мужицкой рубахе до коленей, Семену 35.

— Решил я — сию новую нашу слободу тебе, Семен, под начало дать, — проговорил Аника, сдувая с кружки пену. — А Сыся отряжаю те в помощники.

— Беды не вышло бы, батюшка. Царь покуда

эти места нам не пожаловал.

— Пожалует, куда денется...

— Да места уж больно лешии, — недовольно сказал Семен. — Сибирские татары близко.

— Оно так. Да рассолы-то какие тут богатые! Для начала три-четыре варницы поставим. А татары все ж таки за Камнем. Ну, острог построим, дюжины три-четыре стрельцов для обороны посадим. Леса тут должны быть сильно звериные. Седни Сысой должен прибыть, дак он обскажет.

— Да, вон, кажись, плывут, — сказал Семен.

Из-за поворота реки показались струги Сыся.

— Ага, — кивнул Аника, встал, надел какой-то старый мужицкий армяк, остатки седых волос прикрыл войлочной шапкой. — А потом надобно бы пощупать, нет ли тут, в землице-то этой, серебришка-золотишка...

* * *

Со струга сбежал Сысой, бухнулся в ноги Анике. Строганов постучал костылем по его согнутой спине, будто приветствуя, спросил:

— Ну, какво сплавал?

— Хорошо, батюшка Аникей Федорович. Зверья в тутошних лесах видимо-невидимо. Соболей, да куниц, да лисиц, да разной прочей рухлядишки мы изрядно добыли.

Двое казаков волокут связанного по рукам и ногам, избитого в кровь Ермолая, бросают под ноги Анике.

— А эт что за соболь?

— На защиту вонючих вогулишек кинулся, как пес. Чуть на кровавый бунт их не поднял! — доложил Сысой.

— Ишь ты... — даже будто одобрительно протянул Аника, носком сапога приподнял его голову. — Кто таков?

— Тутошний он. Ермошкой Тимофеевым зовется. Охотник я, грит, вольный.

— Вольный? — усмехнулся Аника. — А чьих он родителей?

— Да они вроде померли у него.

— А вот, батя, и куничка, — усмехнулся и Семен.

Это казаки приволокли и бросили на камни скрученную Алену.

— Батюшка, милостивец! — сразу зарыдала Алена, сумев как-то встать на колени. — Прости ради Христа Ермошку! В вечную кабалу к тебе пойду...

— Замолчь, Алена! — прохрипел Ермолай. — Сбереги свою волю!

— Ишь, не велит, — усмехнулся Аникей. — А кто он тебе — сват, брат?

— Невеста, вишь, его, — презрительно бросил

Сысой. — И спомощница. А этот — тож бунтарь! — Сысой пнул только что кинутого на камни Ивана Кольца.

— Ну, я те пну! Я те пну, попомни! — взъярился обкрученный веревками Кольцо, крикнул Аникею: — Вели развязать, меня!

— Ишь, разгневался, — скривил губы Аникей.

— Оковать всех, да в шахту, — подал голос Семен.

— Не посмеешь! Мы не кабальники ваши! — вскричал Ермолай.

— Девку, ладно, отпустим. Развяжите ее. А этих — в железа! — распорядился Аника.

— Меня? В железа? — закричал Кольцо, пытаясь встать с земли. — Я волжский казак... По найму срок у вас дослуживаю. По какому это праву...

— А вот по такому! — Аника Строганов показал сжатый кулак. — Развольничался тут.

— Это тебе не на Волге разбойничать, — усмехнулся Семен.

Аника пошел было прочь. Освобожденная от пут Алена упала ему под ноги, охватила пыльные сапоги, подняла мокрое от слез лицо:

— Батюшка! Смилуйся над Ермошкой!

— Пшла! — взвизгнул Аника, выдернул ногу из рук девушки.

Алена рыдает на песке.

— А девка-то — краля, батюшка, ты глянь, — ухмыльнулся Семен.

— Ты гляди у меня, кобель!

Семен Строганов в ярком татарском халате, подбитом сободем, стоял на коленях перед иконостасом, истово молился и бил поклоны. Растворилась крепкая дверь, обитая железом, в помещение задом протиснулся Сысой, потом двое стражников. Они внесли завернутого в рогожу и обмотанного веревкой человека, который бился в их руках, как невиданная сильная рыба.

— Ни одна живая душа не видела, — шепнул Семену Сысой.

— Тут кладите, — указал Строганов на пол. — Ступайте.

Помещение напоминало глухой склеп, но убранный богато — полы застланы медвежьими шкурами, стены завешаны восточными коврами, в углу золотом горели оклады иконостаса, светила лампада. У стены стояла немислимой работы широкая деревянная кровать с пышной постелью. А больше в комнате ничего не было — ни стола, ни стульев, ни шкафов.

Семен нагнулся, распутал веревки, распахнул рогожу. Алена лежала со связанными со спиной руками в летней застиранной рубахе. Сказать что-либо не могла — рот ее был заткнут тряпкой.

Не обращая внимания на ее хрипы и стопы, он

поднял Алену с пола, шагнул к кровати, положил девушку на постель. Потом развязал халат, скинул его, сбросил с ног меховые домашние туфли. Вынул у нее кляп изо рта.

— Будешь умницей — озолочу. Ну, будешь?

— Развяжи... мне... руки, — слабым голосом попросила Алена. Она с трудом приподнялась... — Ну?! Совсем затекли.

— В шелка тебя одену. — Он развязал на ее руках крепкую бечевку. — С золота кормить буду.

И вдруг Алена, растиравшая занемевшие запястья, обеими руками мертвой хваткой впилась ему в горло.

— Ах... ты... — только и сумел выдавить Строганов, глаза его полезли из орбит. Он пытался оторвать от своего горла ее пальцы, но не смог. Хрипя, он задергался, свалился с кровати, стащил за собой Алену, и только там, на полу, сумел освободиться от ее рук, отшвырнул девушку в угол.

— Волчица дикая! — прохрипел он, стирая ладонями проступившую на шее кровь. — Лютой казнью тебя сказню! Лютой!

Наглухо заклепанные кандалы на ногах были желто-зелеными от сырости.

Высохшие до неузнаваемости, обросшие Ермолай и Иван Кольцо в темной сырой шахте черпали тяжелыми деревянными черпаками мокрый песок и вываливали его в большую бадью.

— Гля-ко, Ермолай! — воскликнул вдруг Иван. На крае его черпака, который он хотел опрокинуть в бадью, болтался короткий обломок проржавевшего кинжала.

Ермолай стукнул своим черпаком по бадье, она поползла на цепи вверх, а вниз стала спускаться пустая.

— Ну-ка...

Ермолай взял из рук Ивана находку, оба присели к сырой стене перевести дух.

— Немало, видать, и до нас людей тут Строгановы сгноили, — горько усмехнулся Кольцо.

Ермолай молча все вертел в руках обломок кинжала, А Иван проговорил уныло:

— И мы скоро сдохнем...

Ермолай вдруг принялся царапать обломком кинжала по кандальному кольцу у щиколотки, обмотанной тряпками. Иван опять горько усмехнулся:

— Этой железкой кандалу за десять лет не перетереть.

— Ну, десять, — возразил Ермолай. — Капля, говорится, камень точит. Главное, как уйти...

— Расселись там! — раздался сверху окрик.

Каторжники поднялись, снова заработали черпаками.

Большие, витого воску свечи освещали своды

просторной царской палаты. Бояре в тяжелых золотых одеждах и высоких шапках чинно сидели по лавкам, опираясь на длинные посохи. Двадцатисемилетний царь всея Руси Иван IV прочно восседал на троне. По бокам — четверо рынд в белоснежных кафтанах с серебряными секирами У трона стоял тощий, остроносый дьяк, держал в руках грамоту с печатью и, не глядя в нее, говорил:

— Вот султан турецкий пеняет нам, великий государь, что ихнюю крепость Азов донские казаки наши тревожат, янычар ихних, где захватят, смерти предадут.

Царь хмуро изрек:

— Отписать султану, что это их азовские люди ходят на мои окраины войной! Русских людей в полон емлют и в Азове том в рабство продают. А казаки того не могут терпеть, потому на них приходят. А так донские мои казаки люди добрые, воровства в них нету.

— Казаки все воры, государь! — прогнусавил какой-то дряхлый боярин. — И донские, и волжские.

— Сыть! — Грозный стукнул посохом. — Когда придет нужда, я объявлю их ворами... Теперь о делах сибирских послушаем.

— Сибирский хан Едигер прошлогод шерсть тебе, великий государь, принес и дань твою на себя

принял — ежегод давать тебе, великому государю, со всякого черного человека по соболу, — проговорил дьяк. — А по записям Посольского приказа черных людей у Едигера числится тридцать семь тыщ семьсот человек.

— Так. Боле года минуло, где же дань наша?

— Ханский посол по имени Баянда привез, — ухмыльнулся в редкую бороду дьяк. — Посол в сенях ждет.

— Зовите, — приказал Грозный.

Стрельцы распахнули золоченые двери, татарский мурза Баянда, отрастивший теперь небольшую бородку, вошел, согнувшись, в палату, с полдороги к трону пополз на коленях, припал к золоченым сапогам Грозного.

— Здоров ли улусник мой хан Едигер и брат его Бекбулат?

— Великий государь! — тонким женским голосом заговорил Баянда. — Светлый хан Едигер и хан Бекбулат кланяются тебе и дань твою тебе прислали — семьсот соболей.

В глазах Грозного вспыхнул гнев.

— Сколько, сколько?

— Великий царь! — взмолился Баянда. — Всю Сибирскую землю воюет шибанский царевич Кучум, людей наших побил сильно много, а живых обобрал до последней шкурки.

— Лукавит посол, государь, — сказал дьяк. —

Приехал с Камы торговый человек Аника Строганов. Он поведал: хотя Кучум много вреда сибирскому ханству причинил, но леса тамошние полны зверьем.

Грозный дважды ударил посохом. Тотчас распахнулась золоченая дверь, вбежало четверо стрельцов с бердышами, схватили несчастного Баянду.

— Помилуй, государь... — пискнул Баянда.

— Отписать ханам Едигеру и Бекбулату: пока полную казну не пришлют, посол ихний будет в нашей неослабной крепости.

Он сделал знак, Баянду уволокли.

— Позвать торгового человека Строганова!

Строганов явился чуть ли не в том же мужицком армяке. Во всяком случае, одет он был просто, по-купечески, на ногах — простые сапоги. К трону подошел с достоинством и лишь у ног царя пал на колени, ударил лбом об пол.

Грозный постучал посохом по его спине, как недавно сам Аникей стучал костылем по спине Сыся.

— Встань, Аника... Что-то кафтан на тебе такой худой? Оскудели, что ли, рассолы твои соляные?

— С грошей, государь, и на пятак не набегает. Дозволь поклониться тебе тысячью соболями...

Грозный невольно вскинул брови, но Аника

Строганов и ухом не повел, продолжал:

— Да четырьмястами куницами, да столько же и лисиц диких черно-бурых прими, да две тысячи белок сибирских...

— Эт так обеднял ты, Аникушка! — произнес царь, хитро сощурился. — Значит, с челобитьем опять явился?

— Не за себя хочу просить, а за царство твое славное порадеть, государь-батюшка.

За окнами палаты раздался звон колокола. Тотчас в ответ зазвонили по всей Москве. Грозный поднялся, перекрестился трижды. То же сделали и бояре.

— К обедне пора. Пойдем, отстоим вместе в моей часовенке, а там и поговорим о делах Руси нашей горемычной, — не то печально, не то смиренно произнес Грозный, глядя на Анику.

Ярким огнем горели купола церквей и соборов плоскобашенного еще в ту пору Кремля из красного кирпича Плыл над деревянной Москвой благовест.

— Так о чем челобитничаешь, Аникушенька? — ласково спросил царь, глядя в сводчатое окошко цветного заморского стекла.

Аника пал, как перед троном было, на колени перед царем.

— Дозволь, милостивый государь-батюшка,

искать рассол и варницы ладить на пустынной Каме-реке, а также дворы ставить в тамошних местах безлюдных, пашни расчищать да хлеб сеять.

— Зачем о том просишь? — зловеще усмехнулся царь. — Доглядчики мои донесли, что ты на этой Каме-реке уж своей волей деревни ставишь.

— Наваety, государь! — побледнел Аника.

— На дыбу хошь?! — взревел царь.

— Батюшка Иван Васильевич! Выслухай... — взмолился Аника.

— Ну! Да встань ты... Наваety?

— Всего-то слепили там два-три сарая из плах... чтоб мягкую рухлядь... чем тебе вот ныне поклонился... где хранить было. А надо ставить там крепкий острог, да вокруг городок строить, да снабдить его пушками и всяким иным боем. Дозволь сие сделать, государь! Крепко эту окраину твоего царства оберегать со своими сыновьями буду.

— От кого? Ну-ка, — решил попытать Анику Грозный. — Сибирский князь Едигер мой данник.

— А велику ли казну он те нынче с Баяндой прислал?

— Дерзок ты, Аника! — угрожающе напомнил царь.

— Коли насмешничаю над тобой — язык мне вырви. Коли в убыток что сделаю царству русскому — совсем казни меня. Едигер почто недавно под

твою высокую руку попросился? А потому, как объявился Кучум в Сибири, царство Едигерово зашаталось... Кучум тот людей Едигера нещадно побивает, грозит ханский город Кашлык взять.

— Кто он, Кучум этот? — спросил Грозный.

— Какой-то бухарский царевич, вроде тоже оттудова, с восточного краю пришел.

— Много он людей с собой привел?

— Кто считал?!

— А что за люди у него?

— Да всякий кочевой сброд. Хитры и безмерно люты кучумцы, местное сибирское народишко грабят нещадно. И еще слышно, хвалился Кучум тот: Сибирское царство как заберу — начну большую войну с Русью. Вот я и говорю: загодя надо восточную Украину твоего царства, государь, крепить. С севера-то над тобой проклятая Литва висит, да Польша, да Швеция. На юге, не приведи Господь, султан турецкий, да татары крымские, астраханские, да ногайцы тож народ обманчивый. Счас союзники тебе, а завтра враги. Дозволь мне, государь великий, твердой ногой в Камском краю стать. Не токмо город на Каме — много острогов и крепостей ставить там надо, людишками заселять, не щадя живота, оборонять от сибирских, от ногайских и от иных орд...

Мрачно и безмолвно выслушал все это царь. Он то прохаживался по небольшому покою,

главным украшением которого была изразцовая печь с золотыми и бирюзовыми прожилками между плит, то снова глядел в окно.

— Осилишь ли все сие, Аника Федорович? — спросил он сухо и как-то неприязненно. — Тысячные расходы потребуются.

— Уж это знамо дело. Тут без твоей царской милости как осилишь?!

Грозный вскинул вопросительно брови.

— А вот коли освободишь те земли, что прошу у тебя, да соляные варницы от податей...

— На сколько же тебе такую льготу дать?

— Да не мне, государь! — Аника снова бухнулся на колени. — Детям моим. Им это великое дело подымать. И оно великой милости требует... На два десятка годков хотя бы...

— Хотя бы... — усмехнулся царь.

— Да расходов-то потребуется! — взмолился Строганов. — Акромья того, без холопов-то чего тамстроишь? Позволил бы ты, государь пресветлый, людишек вольных нам к себе призывать, пусть бы они во владенье нашем на дикой Каме-реке жили...

— Ишь ты — во владенье вашем... — опять зловеще усмехнулся царь.

— Да без кабалы, без кабалы... то я обговорился, — торопливо заюлил Строганов. — Работников, знамо, и хлебом, и солью, и прочим будув жаловать? А кто не схочет — так вольному

воля...

— И так это, Аникушенька, дыбу ты миновал?.. — помолчав, спросил Грозный. — Ну, ин ладно, быть по сему. Про все получишь грамоту, поскольку замыслил ты дело государево большое и надобное...

Царь сунул ему руку. Строганов Аника облобызал ее со старанием и, непрерывно кланяясь, попятился к распахнувшейся раззолоченной двери.

...Распахивается другая дверь — черная, мокрая, сколоченная из неоструганных досок. В просторный предбанник, наполненный голыми, давно не стриженными, изъеденными соляными язвами людьми, ворвались клубы морозного воздуха вперемешку со снегом. Сквозь эти клубы в предбанник входит новая партия работных людей.

Просторный предбанник имел два зарешеченных окошка, решетки были обледенелыми, толстыми. За окошками на разные голоса выла метель.

Помывшиеся толпились возле большой деревянной шайки с дегтем, угрюмый бородатый мужик макал туда палку с намотанной тряпкой и обмазывал язвы на теле несчастных, потом они одевались в свежую одежду, кучей сваленную в углу. Ругань, стоны, крики.

В углу был сооружен невысокий помост, там

за колченогим столом сидел в теплом зимнем кафтане Сысой, громко прихлебывал из глиняной кружки, наблюдал с высоты за происходящим.

— Это свежая лапотина, да? — вскричал вдруг худой, как скелет, работник, весь в пятнах от дегтя, пробившийся к помосту. В руках он тряс лохмотья. — Да ить вшивее прежней!

Сысой не спеша поставил кружку. Взял со стола плеть. Работник торопливо нырнул за голых людей.

— С-собаки! — Сысой швырнул плеть обратно на стол, зачерпнул из горшка. — Еще каждый месяц моют их...

— Семен Аникеич-то — он добрый, — заюлил тощий редкозубый мужичонка, холуйски вертевшийся у стола. — Здоровье работников, грит, беречь надо. Рушничок вот, Сысой Федулыч...

Сысой взял полотенце, вытер взмокший лоб. В это время опять распахнулась дверь, двое стражников сквозь клубы морозного воздуха втолкнули в предбанник закованных в кандалы Ермолая с Иваном Кольцом.

Сысой увидел их, кинул мужичонке рушник.

— А-а, Ермошка. Живой куда?

— Твоими молитвами, — усмехнулся Ермолай, поддерживая одной рукой кандалные цепи.

— Да уж седьмой год молю бога, чтоб подох

быстрей... А ты все дрыгаешься. — И заорал на одевающихся: — Ну чего шеперитесь! Живей облакайтесь.

Ермолай и Кольцо стали раздеваться. Чтобы никогда не расклепывать кандалы на ногах, одежда у них была особая — штанины были разрезными, их просто обматывали вокруг ног, обвязывали веревьем.

— Не могу я в ум взять — супротив кого ты, Ермашка-букашка, пойтить вздумал? Да ведь Строгановы грамоту царскую получили на вечное владение всеми камскими изобильными местами. И как ни крути, все тутошные людишки холопы теперь ихние.

— Врешь! — вскинулся Иван Кольцо.

— А ты у царя поди спроси, хе-хе, вру я али нет. — Сысой снова стал прихлебывать из кружки. — А где вот краля твоя, Ермоха, Алена-то, это я тоже могу тебе сообщить.

— Ну... сообщи, — Ермак уже разделся догола.

— Счас скажу... только не задохнись... Давно-о уже в турецкий город Азов ее свезли да в невольницы продали.

— Аленку?! — действительно задохнулся Ермолай.

— Да ты не заботься, — насмешливо продолжал Сысой. — Рабой-служанкой она не

станет. Поскольку девка красивая, какой-нибудь богатый турок ее в свой гарем купит. Для наслаждения, значит.

Несмотря на кандалы, Ермак прыгнул, как тигр, на помост, отшвырнул редкозубого мужичонку, схватил Сыся за плечи, заколотил о бревенчатую стену.

— Кто продал? Когда? Говори!

— Уб... убери лапы, паршивец!

В ответ Ермолай схватил правой рукой Сыся за ремень, а левой, держа за плечо, легко оторвал его от пола, поднял над помостом, закричал еще яростнее:

— В лепешку расшибу тебя! Говори!

— Ермошка! Положь меня на место! На место меня положи! — выкрикнул Сысой.

Грохнул в предбаннике хохот. Кинувшиеся на выручку стражники еле оторвали Ермака от Сыся, отшвырнули прочь. Кольцо сумел подхватить его, иначе бы он разбился о стену.

— Ну, Ермак, в могилу бряк... Больше я тебя из шахты ни разу не подыму! — прохрипел Сысой.

Ермолай-Ермак снова рванулся было из рук Ивана Кольца, но тот удержал его.

— Охолони... — И повел в баню мимо выходящих из низких дверей распаренных людей.

В бане было полутемно, два небольших

квадратных окошка, как и в предбаннике, забраны толстыми железными решетками, только льда на решетках не было.

Перед одним из таких окошек сидели на низенькой лавке Ермак с Иваном, плескались из деревянных шаек.

Ермолай бросил взгляд на решетку, встал:

— Ну, Иван... Гляди. — И он тронул оконную решетку — она шаталась, дерево вокруг кованых гвоздей подгнило. — Я еще в прошлый раз заметил.

— Ну и... што?! — испуганно проговорил Кольцо.

— А тут недалече... за речкой сразу дед Аленкин живет. Добежим.

— Голяком-то?! Околеем...

Но Ермак, ни слова не говоря больше, поставил ногу на лавку, стал разламывать надпиленное кандалное кольцо.

— Эк, черт! Ну-ка, подмогни.

Вдвоем они наконец разломали железный обруч на одной ноге, потом на другой.

Вокруг столпились голые люди. Раздались голоса, испуганные, удивленные:

— Это что удумали вы?..

— А дале что будете?..

— Сысой до смерти засечет!

— Чем кандалы-то разрезали?

Ермолай стал у дверей, грозно сказал:

— Замолчь! Кто крикнет стражникам — тут же счас убью! — и он потряс своими кандалами. — Ну-к, помогите Ивану.

Кольцо ломал тоже надпиленные кандалы. Четыре руки стали помогать Ивану. Лопнуло одно кольцо, другое...

Ермак, все стоящий у дверей, приказал:

— Рвите решетку!

Несколько пар рук вцепились в решетку, стали ее дергать. Она какое-то время лишь шаталась, потом толстые и длинные кованые гвозди ползли из мокрого дерева.

Когда решетка была вырвана, Ермак от двери крикнул:

— Иван! Пузырь шайкой выдави!

Бычий пузырь, которым было затянуто окошко, лопнул, в баню засвистели клубы морозного тумана со снегом.

— Вылазь! — приказал Ермолай.

Иван Кольцо чуть помедлил и отчаянно сказал:

— Эх! Живы будем — так и смерть погодит.

И полез в проем головой вперед. Когда он исчез, сам Ермолай подошел к окну, по-прежнему держа в руках кандальную цепь. Полез в окно ногами вперед. Когда в окне торчала одна голова, крикнул:

— Не поминайте лихом, братцы!

И исчез, прихватив на всякий случай свою кандальную цепь.

Ермак и Кольцо, совершенно голые, бежали куда-то сквозь вьюгу по глубокому снегу и скоро потонули в снежной замети.

В предбаннике было просторно. Одевались последние работники, у двери все так же стояли два стражника. Сысой нетерпеливо постукивал черенком плети в ладонь. Потом шагнул к дверям, ведущим в баню, рванул ее.

— Эй, Ивашка, Ермак. Перед смертью не намоетесь.

Никто не откликнулся. Работные люди одевались молча.

Сысой нагнулся и шагнул в баню. Там раздался его яростный рев, он выскочил с оконной решеткой в руках.

— Утекли-и! — Швырнул решетку прямо в гущу работников, один из них рухнул с окрашенной кровью головой. Раздался гневный вой, но Сысой перекрыл голоса: — З-запорю всех! — Ринулся к двери из предбанника, крикнув стражникам. — Живо за мной!

Сысой и двое стражников обежали баню, остановились возле окошка, через которое вылезли Ермак с Иваном.

На снегу возле стенки бани, где ветер был потише, виднелись еще следы беглецов.

— Не отставать! — махнул рукой Сысой, побежал по следам, временами погонщики проваливались в сугробы, падали.

На чистом пространстве ветер был сильнее, вьюга здесь быстрее заметала следы, чем дальше, тем они были меньше видны и наконец исчезли совсем.

Погоня остановилась.

— Где теперь их сыщешь? — сказал один из стражников, задыхаясь.

— Да уж в такой снеговерти... — поддержал другой.

— Цыть, вы! — вскричал Сысой, тоже взмокший, ровно не кандальники, а он мылся в бане. — Нагишом далеко не убежь! А тут, за рекой, изба, где эта Ермошкина невеста с дедом жила. Боле, как туда, им некуда. Живо!

И все снова побежали.

— Да как же вы, ребяташки? — всхлипнул древний старик в рваной меховой телогрейке. — В такую студень-то?

Ермолай и Кольцо торопливо одевались в дряхлую крестьянскую одежду. На Иване был уже драный армяк Ермолай натягивал на голые плечи посконную рубаху. На ногах у обоих были какие-то

опорки.

— Боле, отец, из лапотины ничего нет? — спросил Ермак, оглядывал голые стены.

— Да вот ишо, — и старик начал стягивать телогрейку.

— А сам-то как?

— В избенном тепле-то перемогнусь как-нибудь. — И заплакал, заскулил, как щенок. — Аленушка-то наша, внученька! Пошла за водой на речку да как в воду и канула.

Ермак, одетый уже в стариковскую телогрейку, молча обнял его. В глазах у него тоже сверкнула влага.

Вдруг Кольцо кинулся к залепленному снегом окошку.

— Тень мелькнула... Не погоня ли?!

— Пресвятая Богородица! — закрестился старик.

— Топор где?! Вилы! — вскричал Ермак.

— Там...

Все выскочили в сенцы. Но в это время в дверь заколотили.

— Открывай, старый колдун!

— Сысой! — воскликнул Кольцо.

— Отмыкай, сказано! Ломай дверь.

В дверь застучали прикладами пищалей, она затрещала. Старик схватил стоявшие в углу сенок вилы, сунул Кольцу. Ермаку подал топор, указал

наверх:

— Скачите на подызбицу...

На чердак вела колченогая лестница, Иван и Ермак кинулись наверх, а старик юркнул в избу. Едва они исчезли, дверь была высажена.

...Старик лежал уже на лежанке, как вломился в избу Сысой и двое стражников.

— Где беглые? — затряс Сысой старика. Стражники перетряхивали тряпье на печке, дощатый сундук, заглянули даже в печь.

— Ты чего, милостивец? Какие беглые?

— Сказывай, старый пень! — Сысой схватил старика за дряблую шею, начал душить.

— Окстись ты... душегубец... — Бороденка старика задрожала, глаза его полезли из орбит.

— Говори! З-задавлю!

— Гос... Гос...

Слово «господи» он так и не выговорил, обмяк. Сысой отшвырнул его.

— Сдох, что ли? — спросил один из стражников.

— Запалить вонючее гнездо, — вскричал Сысой. — Тут если где кандальники — от жара выползут, как змеи с нор.

Ермолай и Кольцо притаились у лаза на чердак, один с вилами, другой — с топором, готовые снести всякую голову, какая покажется снизу.

Но снизу показались не головы стражников, а повалил густой дым.

— Запалили! — прошептал Иван.

— Кажись, так...

Ермолай подошел к краю чердака, начал топором приподнимать тесину крыши.

Вьюга все гудела, ветер свирепо раздувал огонь, который хлестал из низеньких окошек, лизал уже бревенчатые стены избенки. С разных сторон горячей избы стояли Сысой с обнаженной саблей в руке и два стражника с оружием наготове.

Ермолай и Кольцо метались в дыму. Снизу огонь уже начал проедать перекрытия, под крышей заболтались языки пламени.

— Их всего трое вроде, — сказал Ермак.

Иван еще раз обежал чердак, припадая к проделанным щелям в крыше, подтвердил:

— Трое. У Сысоя только сабля, у стражников пищали и сабли.

— Ежели скакнем сверху враз на пищальников, а? — подал голос Ермолай. — Не гореть же заживо!

Кольцо размазал на взмокшем от жары лице копоть.

— Что же... Коли будем живы, так и смерть погодит, поди...

— Я те свистом дам сигнал.

Они — один с вилами, другой с топором — полезли в дыры на разных сторонах крыши. Языки пламени уже чуть не доставали их.

...Вылез на крышу Ермолай, держится за край пролома.

...Зацепился за край крыши и Кольцо. Внизу виден стражник, но он не замечает Ивана.

...Ермак вложил пальцы в рот, раздался свист, который за бурей слышал только Иван.

Оба враз прыгнули вниз...

...Иван свалился прямо на голову стражнику, тот упал. Кольцо вскочил, как кошка, первым метнулся к стражнику и пригвоздил его вилами к земле. Тот даже не вскрикнул.

...Второй стражник увидел Ермолая, когда тот уже летел вниз, отскочил в сторону, вскинул пицаль. Ермолай метнулся в сторону, ударил выстрел.

...Сысой кинулся на выстрел.

...Ермолай, к счастью, невредим. Он кинулся на стражника.

...Стражник отбросил пицаль, схватился за рукоятку сабли.

...Ермолай опередил его, страшным ударом топора раскроил ему череп.

...Но к Ермолаю бежит Сысой. Вот он уже взметнул для смертельного удара саблю.

— Ерма-ак! — вскричал дико Иван,

выбежавший из-за угла. До Сыся далеко, смертельный удар его не упредить...

Тогда Иван размахнулся и сильно бросил вперед вилы...

...С хрустом воткнулись они в шею Сыся, пронзив ее насквозь. Сысой, уронив саблю, схватился за окровавленные рожки вил, упал.

— Ну, Иван, — произнес Ермолай, глядя на труп Сыся. — Вечный должник я твой.

— Я твой тоже. Так что не будем считаться.

— А старик-то? Может, ишо живой! — вскричал Ермак, нырнул в горящую избу.

— Куда?! — испуганно вскричал Иван.

Сквозь вой метели донесся колокольный сполох.

Ермак в дымящейся одежде выскочил из горящей избы.

— Мертвый...

Иван застегивал на себе дорогой узорчатый пояс Сыся с саблей.

— Айда! Счас люди на пожар прибегут, — прокричал он. — Дорога на Дон мне знакома.

Ермак тоже сдернул ремень с убитого им стражника, поднял его саблю, сложил в ножны. И они кинулись в снежную круговерть.

Новый завоеватель Сибири Кучум, опираясь на поддержку бухарского ханства, в 1563 году

нанес поражение Сибирскому царству, захватил в плен ханов Едигера и Бекбулата.

Кучумовы конники влетели в распахнутые ворота Кашлыка, проскакали сквозь клубы дыма по горячей улице. Всюду валялись прошитые стрелами, разрубленные, обезглавленные защитники павшей столицы Сибирского царства.

Два всадника вместо страшных трофеев везут связанных волосяными арканами и перекинутых через седла бывших сибирских властителей Едигера и Бекбулата.

Врывается страшная кавалькада на площадь перед ханским дворцом. У крыльца торчит знамя Кучума — белый конский хвост на длинном шесте; под знаменем, окруженный телохранителями, сидит сам Кучум — широкий в плечах, крепкий, сильный человек лет пяти десяти. Поодаль под сабельной охраной стоит толпа бывших приближенных свергнутых властителей, а также остяцкие и вогульские князьки.

Всадники сбросили головы с пик под ноги Кучуму на дорогой ковер, предводитель отряда склонился в поклоне:

— Эти головы военачальников нечестивых сибирских царей, великий хан.

Всадники швырнули на землю Едигера и Бекбулата, силой поставили их на колени.

— А это сами нечестивцы, осмелившиеся тебе

сопротивляться, великий хан.

Возле Кучума стоял грузный человек лет сорока главный ханский советник, называемый карача.

— Какой казнью их казнить, мой мудрый карача?

— Прикажи разодрать их лошаадьми, великий хан, — зловеще сказал карача.

Кучум поцарапал шею под короткой черной бородой, усмехнулся.

— Нет... Эти нечестивцы оскорбили свой народ данью русскому царю.

— Ты сам — порождение шайтана, — вскричал Едигер.

Бекбулат вскочил, повернулся к толпе, закричал:

— Не служите проклятому Кучуму! Много горя он принесет нашей земле!

Пока плетьюми и пинками успокаивали Едигера и Бекбулата, Кучум снова царапал ногтями шею. И с той же усмешкой продолжал:

— Эти нечестивцы предали забвению то славное время, когда мы, потомки великого хана Чингиза, сами брали дань с русских земель и с половины мира. И они осмелились называться татарскими ханами, осмелились осквернить своими вонючими задами серебряные ханские тропы! За это я приказал расплавить их троны на огне, а

жидкое серебро влить им в глотки. Исполнить!

Из какой-то пристройки к дворцу с дымящимися ковшами выбежали нукеры. Возглас ужаса вспух над площадью. Связанным Едигеру и Бекбулату заломили головы, кинжалами разжали зубы, стали лить в глотки расплавленное серебро...

А Кучум в третий раз поцарапал пальцами шею.

Когда Едигер и Бекбулат, облитые застывшим серебром, лежали бездыханные в пыли, Кучум мягким и доброжелательным голосом произнес:

— Кто хочет служить мне — перейти на эту сторону.

Какое-то время толпа мурз, беков и князьков стояла недвижимо. Потом отделился от нее один человек лет 30, молча шагнул в указанную сторону, потом другой.

Свирепого вида нукер, яростно хлестнув первого плетью, прокричал:

— Имя! Называй свое имя!

— Вогульский князь Юмшан...

Затем поспешно прокричали свои имена еще четверо:

Мурза Баянда...

Князь остяцкий Бояр...

Тебендинский князь Елыгай...

— Князь Самар...

Больше из толпы никто не выходил...

Кучум помедлил, встал. Был он высок и могуч, на поясе болталась сабля в драгоценных ножнах. Еще раз провел пальцами по шее и опять с мягкой улыбкой сказал:

— Я на службу к себе два раза не приглашаю. Этих пятерых прошу на ханский пир. Остальных отвести в лес, сломать каждому спину и бросить в лесу на корм зверям.

Кучум повернулся и стал не спеша подниматься во дворец по ступенькам крыльца. Сзади него раздались вопли ужаса обезумевших от страха людей, крики нукеров, хлопанье плетей, слова мольбы о пощаде. Но Кучум даже не оглянулся, не спеша скрылся во дворце.

Прошло еще несколько лет.

1569 год известен в истории как год «Донской обороны».

Турецкий султан Селим в союзе с крымским ханом Девлет-Гиреем начали военные действия против Руси, совершая бесконечные набеги на окраинные русские поселения, толпами угоняя людей в рабство...

На звоннице небольшой церквушки тощий жилистый старичонка дергает за колокольные веревки.

Колокольный всполох катится по небольшому

городку над которым занимается утро, делается все тревожнее.

И вдруг стрела пробивает насквозь хиленькую грудь старика, он пятится к краю площадки, дергает еще какое-то время колокольные веревки. Наконец звон умолкает, старик падает со звонницы на землю. И тогда снизу доносится чей-то истошный крик:

— Та-та-ары-а!

Крик тонет в истошном, визгливом вое:

— Ар-ра... Ар-ра...

Из дверей избышки-мазанки выскакивает полураздетый человек с обнаженной саблей в руках. В человеке этом легко узнается Иван Кольцо. Со всех сторон сбегаются во двор заспанные, полураздетые, поднятые сполохом казаки.

Впереди большого отряда всадников в меховых шапках, чалмах, восточных одеждах, с кривыми саблями в руках, с луками и стрелами в колчанах летел молодой сакка-баша, то есть лейтенант турецких янычаров по имени Омар Гази. С леденящим душу воем турки и татары врываются в городок через открытые ворота деревянной крепости.

Поднятые с постелей люди — мужчины, женщины, дети — выскакивают из домов, с воем и плачем разбегаются кто куда. Некоторые мужчины

с копьями, топорами женщины с детьми на руках.

...В узкой улочке мужик в исподней рубаше замахнулся было косою на татарского всадника в богатой одежде, скакавшего впереди других, но тот взмахнул ятаганом, голова мужика покатилась по затравеневшей улочке.

— Жечь гнездо урусов! — орет татарский военачальник.

...Всадник в бараньей шапке с ходу пускает горящую стрелу в соломенную крышу дома. Пересохшая крыша воспламеняется.

...Простоволосый всадник с монгольскими глазами бросает аркан, захлестывает молодую женщину с ребенком, она падает, роняет в дорожную пыль ребенка, всадник волочет ее по улице...

Горят яркими факелами уже многие дома в селении.

...На просторную деревенскую площадь вылетает на коне Иван Кольцо в окровавленной уже рубаше, за ним еще четверо казаков. А с другой улицы врываются на площадь десятка два янычар во главе с Омаром Гази.

— Взять живьем! — взревел турок.

Лейтенант янычар, сидя на коне, спокойно наблюдает со стороны за схваткой. Но силы слишком неравны. Свалился с коня последний казак. Атаман Иван Кольцо один теперь крутится

на коне в плотном кругу янычар. Вот он свалил еще одного турка. Но какому-то янычару удалось выбить саблю из его рук.

С воем кинулись янычары на беспомощного атамана, стащили с коня, обмотали веревками, подтащили к своему сакка-баше.

— Здравствуй, атаман Кольцо, — сказал лейтенант янычар. — Ты меня помнишь? Меня зовут Омар Гази.

Кольцо с ненавистью глядел в лицо довольного турка.

— Три года назад ты захватил меня и моего отца в Хвалынском море. Разграбил наш корабль... А меня с отцом отпустил за большой выкуп.

— Счас бы я тебя, собаку, не отпустил.

Омар Гази весело рассмеялся.

— Отпустил бы. Сейчас мой отец Урхан Гази — главный ювелир самого султана, он за размером выкупа не постоял бы. А тебя кто теперь выкупит?

Кольцо молчал.

— У моего отца есть мечта — увидеть тебя гребцом на его судне. Теперь эта мечта сбудется. Ибрагим!

Один из янычар склонился перед сакка-баше.

— Отвезешь его прямо в Константинополь.

Казацкого атамана бросили через седло, стали прикручивать.